

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СКАЗКИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ГИЕНА»

М. А. Алякринская

Российская академия народного хозяйства и государственной службы —
Северо-Западный институт управления

Поступила в редакцию 17 октября 2022 г.

Аннотация: в статье делается попытка интерпретации одной из малоизученных сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина «Гиена». Выдвигается и обосновывается гипотеза, что текст сказки, формально пересказывающий раздел книги А. Э. Брэма о гиене, фактически является неким иносказанием, где речь идет о консервативной прессе и главном политическом и литературном оппоненте М. Е. Салтыкова-Щедрина — М. Н. Каткове.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, «Отечественные записки», М. Н. Катков, «Московские ведомости», «Жизнь животных» А. Брэма; аллюзия, иносказание.

Abstract: the issue is dedicated to one of the most poorly researched fairy tales by M. Y. Saltykov-Shchedrin “Hyena”. The article claims that the fairy tale (which formally just paraphrases the part of the book by A. E. Brehm about hyenas) is actually an allusion to the conservative press and main political and literary opponent by M. Y. Saltykov-Shchedrin — M. N. Katkov.

Keywords: M. Y. Saltykov-Shchedrin, Otechestvennye Zapiski, M. N. Katkov, Moskovskiye Vedomosti, Animal life by A. Brehm, allusion, allegory.

«Сказки» считаются итоговым произведением М. Е. Салтыкова-Щедрина, которое аккумулирует темы всего его творчества. Цикл этот многопланов, 32 текста, составляющие его, разнородны в жанровом отношении. Как справедливо отметил В. Н. Баскаков [1, 439], к жанру сказки в той или иной степени можно отнести только 24 произведения; остальные представляют собой либо рассказы, либо тексты с оригинальной или неясной жанровой природой.

Не вполне понятен жанр и одной из малоизученных сказок писателя «Гиена». Сам писатель в подзаголовке определил этот жанр как «поучение», отсылая читателя тем самым к традиции дидактического красноречия. Дидактической риторикой определяется иносказательная манера сказки, о ней напоминает и цель «непосредственного назидания, информации, полемики» [6, 65]. Структура сказки также связана с проповедью: по сути, основное ее содержание представляет собой не что иное, как «пример» (exempla) и вытекающую из него моральную истину [4, 7]. Но было бы странно увидеть чистый жанр exempla у писателя второй половины XIX в., к тому же с жанром проповеди не очень коррелируют стилистика и фактологический ряд занимательной научно-популярной статьи о гиенах Альфреда Брэма [3, 458–468], пересказ которой фактически составляет основу сюжета сказки. И, кроме всего прочего, «пример» по законам жанра должен быть нагляден и понятен, а у Салтыкова он заретуширован, и, думается,

сделано это не по недостатку у сатирика мастерства. Сразу возникает гипотеза, что в основе сказки лежит некая аллюзия, которую сатирик хотел сделать для читателя понятной, хотя и не явной, несколько завуалированной.

Надо отметить, что существующие интерпретации «Гиены» носят довольно общий характер: исследователи пишут о конфликте «гиенского» и «человеческого» и вере автора в неизбежность победы второго над первым [1, 473]. С этой трактовкой трудно спорить: борьба тьмы и света (свиньи и солнца) — один из основных лейтмотивов творчества сатирика, так же, как и многократно постулируемая им вера в грядущее торжество света, воплотившаяся в хрестоматийной формуле: «Все силы своего ума и сердца он посвятил на то, чтобы восстанавливать в душах своих присных представление о свете и правде и поддерживать в их сердцах веру, что свет придет и мрак его не обнимет» [9, Сказки, 16, 1, 201]. Но подобная трактовка хотя и верна, но недостаточна. Салтыков был не только писателем, но и летописцем современности, публицистом, который вел разговор о вечном через низменную «злобу дня». К сожалению, даже современники не всегда понимали, о чем идет речь в том или ином его сатирическом иносказании, а с течением времени шифры к ним оказались практически утраченными. Поэтому поиски конкретных явлений и людей, стоявших за текстами М. Е. Салтыкова — задача, которая длительное время будет оставаться актуальной для изучения творчества писателя.

Обратимся к тексту сказки. Как уже упомянуто, фабульной и фактологической ее основой является рассказ о гиенах в «Жизни животных» А. Брэма. Этот рассказ составляет изначально необходимые для понимания сказки фоновые знания, и, надо сказать, у читателя второй половины XIX в. такие знания были: «Жизнь животных» была популярна, входила в круг гимназического чтения. Пересказывая текст Брэма, Салтыков в целом следует его логике и опирается на ряд приводимых им фактов:

1. Гиены имеют репутацию «настоящих чудовищ», существ, в которых сосредоточиваются все ужасные качества хищников, как-то: страсть к убийству, хищность, жестокость, кровожадность, коварство и злоба [3, 458].
2. Животному этому посвящено много легенд, в частности, арабы «твердо верят, что человек сходит с ума от употребления мозга гиены»; и что гиены «представляют собою оборотней, которые днем являются в виде людей, а ночью принимают образ этого зверя на погибель праведных душ» [3, 459].
3. Гиены имеют «отвратительный резкий голос, в котором иногда действительно слышен какой-то ужасный хохот; жадны, прожорливы и издают противный запах» [3, 460].
4. Гиены робки и трусливы, они нападают «только на совершенно беззащитных животных» [3, 461].
5. При еде гиены поднимают «такое кряхтение, такой крик и хохот, что нельзя удивляться убеждению суеверных людей, будто беснуются все черти ада» [3, 461].
6. Пятнистая гиена нападает на спящих или усталых взрослых людей. Тем не менее «физической ее силы не боится никто», тем сильнее страх «перед ее сверхъестественной волшебной властью» [3, 462].
7. Пятнистые гиены от природы трусливы, но делаются необыкновенно смелыми, когда их мучает голод. Тогда они «днем заходят в дома и уносят маленьких детей» [3, 463]; детей также уносят и во время ночных набегов.
8. Полосатые гиены близко подходят к жилищам людей, их отгоняют.
9. Гиену можно приручить, для этого Брэм прибежал к побоям и купанию в холодной воде.
10. Гиену можно сделать ручной до такой степени, что она будет радоваться человеку: «Увидав меня, гиены вскакивали с радостным воем, начинали прыгать вокруг меня, клали мне передние лапы на плечи, обнюхивали лицо, наконец понимали хвост совсем прямо кверху и высовывали вывороченную кишку на 1 или 2 дюйма из заднего прохода» [3, 467].

Все приведенные факты — сюжетная линия рассказа о гиенах Брэма и — одновременно — сказки Салтыкова; часто сатирик буквально воспроизводит

текст зоолога. Вместе с тем между двумя повествованиями есть и разница, показывающая, что текст Брэма служит лишь фактологической и сюжетной основой, которая в сказке подвергается пародийному переосмыслению.

Бросается в глаза то, что Салтыков противоречит Брэму с самого начала: если для последнего все разновидности гиены внешне безобразны, то у Салтыкова гиена, напротив, имеет по сути отталкивающую, но для непосвященного весьма благообразную наружность: в ее небольших глазках «светится благосклонность», ее взор — «доброжелательный, приглашающий к доверию» (16, 1, 194), и вообще «посмотреть на нее — милушка!» (16, 1, 196). Такое несоответствие с Брэмом, тексту которого Салтыков в принципе следует весьма точно, можно объяснить только одним: сатирику важно с самого начала обозначить, что речь пойдет о «гиенстве» как феномене не физического, а духовного уродства.

Во-вторых, Салтыков несколько раз подчеркивает: он пишет об особой гиене — совсем не о той, о которой писал Брэм, — о «гиене-оборотне», и «об этой гиенской особи у Брэма никаких сведений нет» (16, 1, 195). Иронически упрекая Брэма, что тип гиены-оборотня «как будто ускользнул от него» (16, 1, 195), писатель как бы сам принимает за описание этого подвида. Формально он излагает Брэма, но, поскольку читателю уже сообщили, что речь идет об уникальной особи, принимающей днем человеческий облик, то повадки такой «гиены»: и «резкий голос», и «противный запах», и «кряхтение, крик и хохот при еде», и нападение исключительно на беззащитных, и дети, которые ее «любимое лакомство», — воспринимаются не как буквальные вещи, а как иносказание.

Салтыков, пересказывая Брэма, порой искусно «переключает план» с реального на символический. К примеру, в одном эпизоде Брэм рассказывает, что, возвращаясь из гостей в городе Сеннаре, он в полночь встретил на улице стаю гиен, но одного брошенного камня было достаточно, чтобы та разбежалась. Этот случай Салтыков передает, казалось бы, точно, не считая деталей: во-первых, вместо «стаи» появляется термин «стадо», напоминающий о библейских свиньях, одержимых бесами; во-вторых, если у Брэма дело происходит в Сеннаре — городе в Судане, расположенном в провинции с одноименным названием; то у Салтыкова в Сенааре — то есть на территории, где потомки Ноя строили Вавилонскую башню. Глубокий знаток Библии, Салтыков дает читателю понять, что рассказ из плана реального следует перевести в библейский, где и место действия (полночь), и камень, разгоняющий стадо (надо думать, бесовское. — М. А.) — уже аллегории, подкрепляющие основную цель сказки: «Осветить сердца и умы сознанием, что «гиенство» вовсе не обладает теми волшебными чарами, которые приписывает ему безумный и злой предрассудок» (16, 1, 197).

Чем же характеризуется «ускользнувший» от Брэма, но не от Щедрина, тип гиены-оборотня? По словам «московской купчихи», на которую автор иронически ссылается, гиена эта «днем в человеческом виде дорогих гостей принимает, а чуть смеркнется, берется за перо и начинает — в гиенском образе — “газету писать” ...» (16, 1, 195). Понятно, что это иносказание, в котором речь идет о журналисте; уточнение же, что вой гиены раздаётся, когда читаешь «куранты», заставляет предполагать, что имеется в виду журналист московский: «Вести-Куранты» — условное название русской рукописной газеты, издававшейся в XVII в. в Москве. Газета была предшественницей печатной газеты «Ведомости», а то, что о журналисте и курантах рассказывает «замоскворецкая купчиха», еще раз намекает, что ведомости московские. Таким образом, логическая цепочка приводит к газете «Московские ведомости» и ее главному редактору, а также главному политическому и литературному оппоненту М. Е. Салтыкова-Щедрина — М. Н. Каткову.

На аналогию «гиены-оборотня» с личностью Каткова наталкивают прежде всего обстоятельства появления сказки. В апреле 1884 г. правительство прекратило издание журнала «Отечественные записки». Салтыков, будучи редактором издания, еще с начала 1880-х гг. опасался за его судьбу, за год до закрытия он заметил в письме А. Л. Боровиковскому: «Десница Каткова явно простерлась надо мною и вдохновляет Феоктистова» (Письма. 19, 2, 192). И все же запрещение журнала стало для него громадным ударом: «Закрытие «Отечественных» зап<исок>» произвело во всем моем существе нестерпимую боль» (Письма. 20, 27). Запрещение журнала писатель рассматривал как собственную гражданскую смерть, ощущения эти переданы в автобиографической сказке-эпигамии «Приключение с Крамольниковым»: «Однажды утром, проснувшись, Крамольников совершенно явственно ощутил, что его нет. Еще вчера он сознавал себя сущим; сегодня вчерашнее *бытие* каким-то волшебством превратилось в *небытие*» (16, 1, 197). О «гражданской казни» речь идет и в письмах, причем виновником прямо называется Катков. В письме Н. А. Белоголовому от 24 апреля 1884 г. Салтыков утверждает: «Я нимало не сомневаюсь, что в настоящее время всего нужнее — уморить меня, и что тут главным подстрекателем Катков (20, 9). В письме ему же от 3 июля того же года: «Московский Долгоруков уже призывал редактора «Р<усской> мысли» и предупредил его..., <...> что ежели в «Р<усской> м<ысли>» будут участвовать сотрудники «Отечественных» зап<исок>», то журналу этому не суждено жить. ... Никогда ничего подобного не бывало, или лучше сказать, никогда еще не издавалось публичных актов, в которых неправда так хладнокровно рассчитывала, что она останется без возражений. И это мог выдумать только распутный литератор Катков, который, во-первых, понимает, каким способом чувствитель-

нее уязвить собрата, и, во-вторых, знает, что такое Пошехонье и его обитатели» (20, 48). О роли Каткова в закрытии «Отечественных записок» Салтыков пишет также К. Д. Кавелину: «Теперь у меня все это отняли (ОЗ – М. А.). Можно ли представить себе что-нибудь более жестокое, унижительное, озорное? ... И что всего досаднее — это видимое в этом деле и для меня совершенно несомненное участие фразистого идиота Каткова» (20, 22). Лишенный возможности отвечать своим литературным врагам, Салтыков в личной переписке возмущался тем, что эта «штука» (запрещение журнала. — М. А.) «совершена над связанными людьми» (20, 22). Именно такую формулировку мы встречаем в сказке «Гиена»: передавая сведения Брэма, что гиена нападает только на слабых, спящих и беззащитных, Салтыков добавляет к этому существенную реплику: «А конечно, еще того лучше, коли жертва связана» (16, 1, 196).

Известно, что Салтыков пытался опубликовать сказку в «Русских ведомостях» у В. М. Соболевского. Он послал ему тексты «Гиены» и «Богатыря» 28 июня 1886 года, а 6 июля уже спрашивал, известно ли что-нибудь «верное» об их участии. Соболевский, однако, опубликовать сказки не решился, а Салтыков не стал настаивать (видимо, опасаясь подвести приютившее его издание). Принято считать, что обе сказки были отклонены по мотивам политическим [1, 473], из-за острого социального смысла. Думается, в случае с «Гиеной» главной причиной все-таки явилось то, что Соболевский разглядел подтекст, связанный с фигурой Каткова, тем более что сатирик этот подтекст, возможно, и не скрывал. Во всяком случае, его письмо Соболевскому от 6 июля 1886 г., где речь идет об участии «Гиены», дает повод думать, что разговоры и даже споры у них о Каткове были. «Я никак не предполагал, — пишет Салтыков, спрашивая о судьбе своих сказок, — что Катков производит на Вас такое давление. Я знаю, что он человек злой и опасный, но, мне кажется, ему придают слишком много значения, и это еще больше ободряет его в мерзких делах. Попробуйте отрешиться от мысли об нем — может быть, и полегче будет» (20, 259–260).

Представляется, что на Каткова указывает также целый ряд аллюзий «Гиены». К примеру, Салтыков передает рассказ Брэма о том, что гиена ночью забирается в жилища мамбуков, проходит мимо телят, не трогая их, и из-под одеял спящих матерей утаскивает детей. К повествованию Брэма сатирик добавляет реплику: «Вообще дети — любимое лакомство гиены-оборотня» (16, 1, 196). Это замечание, переводящее план изображения с гиены на «гиену-оборотня», заставляет предположить, что Салтыков намекает на сложные отношения редактора «Московских ведомостей» с молодым поколением: здесь можно указать на гимназическую и университетскую реформы образования, переориентированного во многом благодаря Каткову на классическую древность; на статьи

публициста, в которых даются негативные оценки студенческой молодежи и ситуации в российских университетах; на роль Каткова в отмене либерального университетского устава 1863 г. и принятия вместо него устава 1884 г., в котором «усиливался контроль за деятельностью университетов, ограничивались административные права их советов и факультетских собраний, вводилось назначение ректоров, деканов, профессоров; окончательная аттестация выпускников осуществлялась создаваемыми министром просвещения экзаменационными комиссиями» [5, 15]. Характерное щедринское слово «лакомство» можно воспринять как намек на материальные выгоды Каткова за счет детей: Салтыков подозревал редактора «Московских ведомостей» в нечистых денежных историях, связанных с финансированием строительства Лицея (19, 2, 117); а скандал с возможной недоплатой им аренды Московскому университету широко обсуждался в русской прессе [5, 16–20].

Если Брэм писал об отвратительном, «дьявольски-смеющемся» голосе гиены, об ее «ужасном хохоте», который «пронизывает человека до мозга костей», то Салтыков голос «своей» «гиены-оборотня» описывает так: «... Как начнет она хрюкать да хохотать... хохочет-хохочет, да вдруг как захныкает... Господи, спаси и помилуй!» (16, 1, 196). В этой иронической цитате в первую очередь обращает внимание отсутствующее у Брэма слово «хрюкать», опять же переключающее в аллегорический план изображения: библейский образ стада свиней, которых «древле» поглотило море — завершающий и важнейший образ «Гиены». Если же говорить об ассоциациях с «Московскими ведомостями», то можно вспомнить, что Салтыков часто уподоблял их манеру письма каким-то звериным звукам: лаю («неистовый лай «Московских ведомостей» (19, 2, 115) или «хохоту в свином лагере» (20, 146). Акцентировка внимания на контрастной манере «воя» гиены (хохочет — хныкает) вполне может быть пародийным воспроизведением особенностей письма редактора «Московских ведомостей» [8], о противоречивости которого пишут многие исследователи. Так, Р. И. Сементковский утверждал, что Катков постоянно «сам себе противоречил, восхваляя сегодня то, что он порицал вчера, или в частностях противореча тому, что в общем признавалось им верным» [10, 78]; по мнению С. Г. Щегловитова, публицистическая деятельность Каткова «составляет совокупность противоречащих формул» [11, 557].

Важным аргументом в пользу «персоналистской» трактовки «Гиены» являются другие произведения М. Е. Салтыкова, написанные примерно в это же время, с аналогичным употреблением понятия «гиенство». Известно, что параллельно «Сказкам» сатирик пишет цикл «Пестрые письма», где «обращается к охранительной публицистике, продолжая и развивая анализ ее...» [2, 498]. И вот здесь, полемизируя с те-

зисом М. Каткова о том, что «в самом правительстве накопилось бесчисленное множество антиправительственных элементов», М. Е. Салтыков упоминает о гиене: «Повторяю: проклятия останутся только проклятиями, человеконенавистничество пребудет только человеконенавистничеством. Не из могил, разрываемых гиенами, услышится живое слово... нет, не из них!» (Пестрые письма, 16, 1, 254).

Можно указать и на ряд деталей, которые дают возможность подозревать намеки на личные привычки главного редактора и публициста «Московских ведомостей»: к примеру, «гиена-оборотень» пишет газету «по ночам», а склонность Каткова создавать передовицы «Московских ведомостей» по ночам была известна современникам; и сегодняшние исследователи отмечают, что М. Н. Каткова «одолевала бессонница, и ночная работа не была ему в тягость» [7, 88].

Но, безусловно, если фигура М. Н. Каткова и просматривается в «Гиене», то главная цель Салтыкова — не критика этой конкретной персоны и даже не полемика с враждебными демократическому лагерю «Московскими ведомостями», а постановка вопроса о литературе, ее роли в жизни общества. Еще Н. К. Михайловский отмечал, что Салтыкову был свойственен «литературоцентризм» сознания, что он относился к литературе как к высшей силе, ради которой стоит жить. Панегириками литературе наполнен цикл «Круглый год», где сатирик устами автобиографического героя утверждает, что литература «служит воплощением всех духовных сил страны» (Круглый год. 13, 457); что «общество, не имеющее литературы, не сознает себя обществом, а только беспорядочным сбродом индивидуумов» (3, 457); что «литература есть то единственное заповедное убежище, где мысль человеческая имеет всю возможность остаться честною и незапятнаною» (13, 461). Само слово «литература» для Салтыкова являлось синонимом слов «свет», «развитие», «движение», «человечность». Именно литература — самое характерное проявление гуманистических начал в человеке. «Паче всего люби родную литературу, — написал Салтыков в известном предсмертном письме сыну, — и звание литератора предпочитай всякому другому» (20, 477).

Гонения на литературу, попытки заковать в рамки живую мысль сатирик воспринимал как попытки остановить человеческий прогресс и развитие истории вообще. Высказывая в конце жизни еще раз истины, которые он считал вечными, сакральными, Салтыков в «Гиене» нашел возможность, несмотря на запрет «Отечественных записок», постулировать догмат о том, что никакие охранительные мероприятия не остановят человечество в его поступательном развитии, что «человеческое» всегда и неизбежно восторжествует над «гиенским» (16, 1, 197). Финал сказки, оптимистически утверждающий, что живая мысль обязательно поглотит «ги-

енство» так же, как море поглотило стадо свиней — один из основных символов веры писателя, поэтому сказка и завершается словом «dixi», напоминающем о библейском: «Если ты вразумлял нечестивца, а он не обратился от пути своего, то он умрет в беззаконии своем, а ты освободил душу свою».

ЛИТЕРАТУРА

11. Баскаков В. Н. Сказки / В. Н. Баскаков // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. — М.: Художественная литература, 1965–1977. — Т. 16, кн.1.
12. Боград В. Е. Текстологические комментарии к «Пестрым письмам» В. Е. Боград // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 тт. — М.: Художественная литература, 1965–1977. — Т. 16, кн. 1.
13. Брэм А. Э. Иллюстрированная жизнь животных. С рисунками, сделанными под руководством Р. Крэчмера / А. Э. Брэм. — Т. 1. — СПб.: издание второе книжного магазина Черкесова, 1874. — 710 с.
14. Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников / А. Я. Гуревич. — М.: Искусство, 1989. — 366 с.
15. Дергачева Л. Д. Московский университет и газета «Московские ведомости» в 1880-е годы / Л. Д. Дергачева // Вестник Моск. ун-та. Серия 8. История. — 2008. — № 6. — С. 86–100.

чева // Вестник Моск. ун-та. Серия 8. История. — 2008. — № 6. — С. 86–100.

16. Еремин И. П. Лекции по древнерусской литературе / И. П. Еремин. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987. — 208 с.
17. Измestьева Г. П. Михаил Никифорович Катков / Г. П. Измestьева. — Режим доступа: <https://libmonster.ru/m/articles/view/МИХАИЛ-НИКИФОРОВИЧ-КАТКОВ> (дата обращения: 31.10.2022 г.).
18. Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей», год 1884 / М. Н. Катков. — М.: Издание С. П. Катковой, 1898.
19. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. — М.: Художественная литература, 1965–1977. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи в круглых скобках.
20. Сементковский Р. И. М. Н. Катков, его жизнь и литературная деятельность [Электронный ресурс] / Р. И. Сементковский. — Санкт-Петербург: Тип. Ю. И. Эрлих, 1892. — 81 с. — ЖЗЛ. — Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1572050/ (дата обращения: 31.10.2022 г.).
21. Щегловитов С. Г. Катков и его время / С. Г. Щегловитов. — СПб.: тип. А. С. Суворина, 1888. — 570 с.

*Российская академия государственной службы — Северо-Западный институт управления
Алякринская М. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций
E-mail: alyakrinskaya-ma@ranepa.ru*

*Russian Academy of Public Administration — North-West Institute of Management
Alyakrinskaya M. A., Associate Professor of the Journalism and Media Communications Department
E-mail: alyakrinskaya-ma@ranepa.ru*